

Викентий Вересаев «Мать»

Из записной книжки

Сегодня утром я шел по улицам Старого Дрездена. На душе было неприятно и неловко: шел я смотреть ее, прославленную Сикстинскую мадонну. Ею все восхищаются, ею стыдно не восхищаться. Между тем бесчисленные снимки с картины, которые мне приходилось видеть, оставляли меня в совершенном недоумении, чем тут можно восхищаться. Мне нравились только два ангелочка внизу. И вот, – я знал, – я буду почтительно стоять перед картиною, и всматриваться без конца, и стараться натащить на себя соответственное настроение. А задорный бесенок будет подсмеиваться в душе и говорить: «Ничего я не стыжусь, – не нравится, да и баста!..»

Я вошел в Цвингер. Большие залы, сверху донизу увешанные картинами. Глаза разбегаются, не знаешь, на что смотреть, и ищешь в путеводителе спасительных звездочек, отмечающих «достойное». Вот небольшая дверь в угловую северную комнату. Перед глазами мелькнули знакомые контуры, яркие краски одежд... *Она!* С неприятным, почти враждебным чувством я вошел в комнату.

Одиноко в большой, идущей от пола золотой раме, похожей на иконостас, высилась у стены картина. Слева, из окна, полузанавешанного малинового портьерою, падал свет. На диванчике и у стены сидели и стояли люди, тупо-почтительно глаза на картину. «Товарищи по несчастью!» – подумал я, смеясь в душе. Но сейчас же поспешил задушить в себе смех и с серьезным, созерцающим видом остановился у стены.

И вдруг – незаметно, нечувствительно – все вокруг как будто стало исчезать. Исчезли люди и стены. Исчез вычурный иконостас. Все больше затуманивались, словно стыдясь себя и чувствуя свою ненужность на картине, старик Сикст и кокетливая Варвара. И среди этого тумана резко выделялись два лица – Младенца и Матери. И перед их жизнью все окружающее было бледным и мертвым... Он, поджав губы, большими, страшно большими и страшно черными глазами пристально смотрел поверх голов вдаль. Эти глаза видели вдали все: видели вставших на защиту порядка фарисеев, и предателя-друга, и умывающего руки чиновника-судью, и народ, кричащий: «Распни его!» Да, он видел этим проникающим взглядом, как будет стоять под терновым венцом, исполосованный плетьюми, с лицом, исковерканным обидою, животною мукою, как там, через несколько зал, на маленькой картине Гвидо Рени...

И рядом с ним – она, серьезная и задумчивая, с круглым девическим лицом, со лбом, отуманенным дымкою предчувствия. Я смотрел, смотрел, и мне казалось: она живая, и дымка то надвигается, то сходит с ее молодого, милого лица... А в уме бессмысленно повторялось начало прочитанной внизу подписи...

«Fese Raffaello a' monaci neri...»¹

Из мертвого тумана женский голос спрашивал по-немецки:

– Что это там внизу, яйцо?

Мужской голос отвечал:

– Это папская тиара.

А дымка проносилась и снова надвигалась на чистый девический лоб. И такая вся она была полная жизни, полная любви к жизни и к земле... И все-таки она не прижимала сына к себе, не старалась защитить от будущего. Она, напротив, грудью поворачивала его навстречу будущему. И серьезное, сосредоточенное лицо ее говорило: «Настали тяжелые времена, и не видеть нам радости. Но нужно великое дело, и благо ему, что он это дело берет на себя!» И лицо ее светилось благоговением к его подвигу и величавою гордостью. А когда свершится подвиг... когда он свершится, ее сердце разорвется от материнской муки и изойдет кровью. И она знала: это...

Вечером я сидел на Брюлевской террасе. На душе было так, как будто в жизни случилось что-то очень важное и особенное. В воздухе веяло апрельскою прохладой, по ту сторону Эльбы береговой откос зеленел весеннею травкою. Запад был затянут оранжевою дымкою, город окутывался

1

«Сделано Рафаэлем для черных монахов» (*итал.*).

голубоватым туманом. По мосту через Эльбу, высоко, как будто по воздуху, пронесся поезд, выделяясь черным силуэтом на оранжевом фоне зари.

Я сидел, и вдруг светлая, поднимающая душу радость охватила меня – радость и гордость за человечество, которое сумело воплотить и вознести на высоту *такое* материнство. И пускай в мертвом тумане слышатся только робкие всхлипывания и слова упрека, – есть Она, есть там, в этом фантастическом четырехугольнике Цвингера. И пока она есть, жить на свете весело и почетно. И мне, неверующему, хотелось молиться ей.

Темнело. Я шел через площадь. На небе рисовались два черные, как будто закоптелые шпица церкви св. Софии. Вот он и молчаливый Цвингер. Окна темны, внутри тишина и безлюдье. И мне стало странно: неужели и в той комнате может быть темно, неужели ее лицо не светится?

Выполните задания.

1. Какую картину автор шел смотреть в Цвингере? Отметьте **ОДИН** правильный ответ.

- a. «Орлеанская Мадонна»;
- b. «Сикстинская мадонна» - ответ;
- c. «Прогулка Мадонны»;
- d. «Мадонна из Фолиньо».

2. Что единственное нравилось рассказчику в картине? Выпишите из текста предложение, где он говорит об этом.

Ответ: Мне нравились только два ангелочка внизу.

3. В каком городе происходит действие?

Ответ: Дрезден

4. Отметьте **ОДНО** утверждение, которое **ПРОТИВОРЕЧИТ** содержанию текста.

- a. Как только автор вошел в Цвингер он сразу знал, куда ему надо идти и не обращая внимания на другие картины, сразу направился к северной комнате – *ответ;*
- b. В конце дня рассказчик испытал радость и гордость за человечество, которое сумело воплотить и вознести на высоту такое материнство;
- c. Автор знал, что он будет стоять перед картиною, всматриваясь в неё без конца и стараясь натащить на себя соответственное настроение;
- d. У повествователя на душе было неприятно и неловко из-за того, что он шел смотреть прославленную картину.

5. Представьте, что данный текст – это критическая статья в журнале «Вестник изобразительного искусства», а вы – главный редактор. Придумайте говорящий заголовок к данному отрывку.
6. О ком идет речь в отрывке: «Он, поджав губы, большими, страшно большими и страшно черными глазами пристально смотрел поверх голов вдаль. Эти глаза видели вдали все: видели вставших на защиту порядка фарисеев, и предателя-друга, и умывающего руки чиновника-судью, и народ, кричащий: «Распни его!» ...» Отметьте **ОДИН** правильный ответ.
- a. О старике Сиксте;
 - b. О младенце – ответ;
 - c. Об авторе;
 - d. Об одном из людей, стоящих рядом с автором.

7. Верующий ли автор? Ответьте да/нет.

Ответ: нет

8. Почему у рассказчика поменялось мнение о картине? Какие выводы можно сделать на основе его рассуждений до изучения полотна и после? Составьте небольшой ответ на вопрос (с опорой на вышеперечисленные вопросы): о каком материнстве говорил автор в предложении: «Я сидел, и вдруг светлая, поднимающая душу радость охватила меня – радость и гордость за человечество, которое сумело воплотить и вознести на высоту *такое* материнство. ...»